

ют оставаться событием весьма редким, поэтому в рамках данной дискуссии будут особенно приветствоваться отклики "с мест".

- Перейдем от пространственной шкалы к временной. Тут хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Сейчас, по прошествии более 16 лет после распада СССР, можно говорить о появлении нового поколения русскоязычных, которое выросло и социализировалось уже в условиях независимости. Отличаются ли их мироощущение и поведенческие модели от того, как воспринимают свою жизнь их родители, дедушки и бабушки? В книге по этому поводу были высказаны некоторые предположения (с. 574); появились и эмпирические исследования, фиксирующие поколенческую дивергенцию в среде русскоязычных (см., напр.: *Григоричев* 2006). Однако тут еще непечатый край работы.

- Наконец, проблема объекта исследования, коим в обсуждаемой книге, и это принципиальная авторская позиция – выступают не "этнические русские", а более широкий конгломерат различных этнических групп, связанных как общим "старым" прошлым (агента колонизации), так и "новым" – опытом адаптации к положению "постимперских меньшинств" (с. 22–29, 561–562) в постсоветский период. Однако, если обратиться к будущему, этот подход, вызванный необходимостью преодоления этноцентричного взгляда на "соотечественников" и акцентирующий внимание на том, что объединяет разных "детей империи", возможно, сейчас должен быть дополнен и анализом дающих о себе знать центробежных тенденций⁶.

Представленный выше корпус сюжетов служит лишь ориентиром для размышления. Постановка новых проблем и перенос акцентов поэтому будут только приветствоваться, равно как и анализ тех затронутых в книге тем, в трактовке которых автор идет против российского мейнстрима: гетерогенность и многослойность "русской" идентичности; критика концепции "русской диаспоры"; автохтонная модель интеграции русскоязычных и др.

© **Е.В. Абдуллаев**

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Осознавая опасность с первых же строк сбиться на сухую рецензентскую ноту, тем не менее, начну именно с обсуждаемой книги – не только потому, что ее выход послужил поводом для дискуссии, но и в силу того, что она стала определенным событием в изучении Средней Азии⁷.

Во-первых, исследование Н.П. Космарской уже внешними признаками выгодно выделяется на фоне работ, вышедших по данной проблематике за последние 10–15 лет – солидный 600-страничный объем; безукоризненный научный аппарат; впечатляющая по своему объему и охвату библиография, в которой отражены почти все публикации по данной тематике (остается только пожалеть, что в конце книги отсутствует общий список цитированных работ).

Во-вторых, хочу отметить продемонстрированное автором знание современной Средней Азии и ее реалий, основанное на большом эмпирическом материале, собранном и обобщенном в ходе длительных поездок по региону, в первую очередь на

Евгений Викторович Абдуллаев – кандидат философских наук, политолог (г. Ташкент, Узбекистан); abd_evq@yahoo.com

многочисленных интервью с широкой экспертной группой: управленцами, бизнесменами, дипломатами, учеными ...

Наконец, на фоне разного рода алармистских публикаций, драматизирующих положение русских на бывших "южных окраинах", исследование Н.П. Космарской выделяется последовательным стремлением к максимально объективному, невовлеченному изучению этой эмоционально нагруженной темы. И в этом автор демонстрирует не просто знание, но и прекрасное владение методологическим и прикладным инструментарием, выработанным современной этнологией и социологией. Конструктивистская парадигма, выбранная автором не как дань научной моде, но, по признанию ее самой, вначале как интуитивный, а затем осознанный метод интерпретации полевого материала – "способ гораздо более адекватный, чем постоянные апелляции... к этничности" (с. 35).

Действительно, для анализа идентичности русских в Средней Азии конструктивистская парадигма подходит значительно больше, нежели примордиалистская; она лучше позволяет прояснить весьма интенсивные процессы трансформации идентичности переселенцев из России на имперских "окраинах". Автор справедливо отмечает "имперскую" идентичность этого населения, хотя, на наш взгляд, оставляет нераскрытым то, в чем эта "имперскость" выражалась⁸. Вероятно, развить эту тему помешало то вполне очевидное обстоятельство, что понятие "империи", довольно активно обсуждаемое в российской гуманитарной среде в последнее десятилетие, для абсолютного большинства самих русских в Средней Азии могло, в лучшем случае, ассоциироваться лишь с Российской империей и в иных контекстах не "считывалось". Кроме того, многие так называемые титульные элиты региона, оформившиеся в советское время, не в меньшей степени являются "детьми империи", даже не подпадая под категорию "русскоязычных" (русский язык для них может оставаться неродным).

На наш взгляд, наиболее адекватное обозначение для категории переселенцев из России (и других республик) и их потомков в Средней Азии до сих пор не найдено. Ни идущий "сверху" термин "русскоязычные", ни идущий "снизу" термин "европейцы", ни компромиссное слово "славяне" (фигурирующее в названиях ряда университетов и национально-культурных центров) не могут быть признаны полностью адекватными. Понятие "русскоязычные" связано с языковой идентичностью; "европейцы" – с идентичностью социокультурной. Что же до "славян", то это наименее удачный вариант, обозначающий, в случае современной Средней Азии, русских и небольшую группу обрусевших украинцев – иными словами, здесь мы имеем дело лишь с попыткой официального дискурса обойти термин "русские". Однако именно он наиболее определенно отражает сегодня трансэтническую самоидентификацию неавтохтонного населения Средней Азии. Естественно, речь идет не об узко-этническом понимании этого термина, а об общегражданском, национально-государственном (в том смысле, в каком мы называем Баркляя де Толли русским военачальником, а Пастернака – русским поэтом). И до тех пор, пока все это достаточно многослойное население будет сохранять культурно-психологические, экономические, информационные и прочие связи с Россией, до тех пор, как представляется, будет воспроизводиться его русская идентичность⁹.

И, следовательно, именно Россия, ситуация в ней и отношение России с тем среднеазиатским государством, где проживает русское население, продолжает являться одним из основных факторов, влияющих на "колебания" идентичности русских в Средней Азии. Можно огрубленно выделить три основных периода в этой системе "русские Средней Азии – Россия".

Первая половина 1990-х годов – период самого массового выезда русских из Средней Азии под воздействием реальных либо ожидаемых угроз безопасности в бывших

республиках, падения уровня жизни и т. д. Россия рассматривалась прежде всего как одна из наиболее доступных, хотя и наименее привлекательных стран для эмиграции. Среди остающихся русских значительную роль играет фактор "русскоязычия" – пассивного или активного отстаивания своих языковых прав (и сохранение прежних языковых привилегий). Россия выступает основным ресурсом и гарантом "русскоязычия" (не случайно положение русского языка в новых среднеазиатских республиках зачастую напрямую зависело от тех отношений, которые установились у них с Россией).

Вторая половина 1990-х годов – время ослабления угроз безопасности, определенной стабилизации экономической и социальной жизни в государствах Средней Азии при сохранении политической и экономической нестабильности в России; время расширения присутствия Запада в регионе (в виде гуманитарных организаций, компаний и т. д.). Все это повлекло за собой, с одной стороны, уменьшение миграционного потока в Россию, с другой, усиление "западной", европейской идентичности у "среднеазиатских" русских, их стремление вписаться в транснациональные экономические и информационные сети, а также воспользоваться прочими плодами глобализации. Россия оказывается в этом контексте одним из самых близких вариантов "Запада" (с более свободным, по сравнению с местным, рынком, вестернизированными СМИ и т. д.).

Наконец, **первая половина 2000-х годов** отмечена экономическим ростом в России, стабилизацией социально-политической жизни, а также восстановлением ряда утраченных позиций в регионе. Россия частично возвращает себе символический ресурс "старшего брата" в этой части постсоветского пространства, придавая, тем самым, дополнительную статусность русскому населению среднеазиатских государств. Усиливается собственно "российский" компонент идентичности русских в Средней Азии, их ориентированность на Россию, чему, кроме прочего, способствует формирование в самой России, прежде всего Москве и Петербурге, неформальных сетей, "землячеств" из русских, выехавших из Средней Азии. Широкое распространение в XXI в. новых средств связи и коммуникации (развитие Интернета, мобильной связи и пр.) также снимает состояние коммуникативной "оторванности" русских региона от России, усиливая российскую, т. е. собственно русскую идентичность прежних "детей империи".

Означает ли это неприятие русскими Средней Азии тех национально-государственных маркеров идентичности, которые активно внедряются в современных среднеазиатских государствах с начала 1990-х годов? По-видимому, в данном случае стоит говорить не столько о **принятии** этих новых идентичностей (а также умеренно-националистических идеологий, в которых они коренятся), сколько о **лояльности** по отношению к ним, о согласии следовать определенным "правилам игры". Например, в языковой сфере это проявляется в том, что русские, как и прежде, не прилагают особых усилий для овладения языками автохтонного населения ("государственными языками"), однако в то же время не выступают с требованиями дополнительных "прав" для русского языка. Впрочем, требование лояльности к общенациональной идентичности (т. е. идентичности титульной нации) применимо и в отношении автохтонного населения, поскольку для него традиционной являлась именно **местная, локальная** идентичность, а не национально-государственная.

Таким образом, вопрос об аккультурации русских, поставленный на обсуждение в "Приглашении к дискуссии", в отношении русских Средней Азии пока не представляется актуальным. Напротив, в крупных, в первую очередь столичных городах региона, где проживает большая часть русского населения, мы наблюдаем (как и прежде, хотя и со значительно меньшей интенсивностью) обратный процесс. Переселенцы из сельских районов и небольших городов достаточно быстро русифициру-

ются; как и раньше, русификация выступает своего рода маркером приобщения к модернизирующейся городской среде.

Кроме того, значительной преградой для аккультурации/ассимиляции русских Средней Азии является его иной, чем у автохтонного населения, выбор приоритетов на шкале "индивидуальное – коллективное". С деградацией и крушением советского коллективизма и его институтов, основные приоритеты русского населения все больше связаны с предпочтением индивидуального действия. Напротив, у большей массы автохтонов происходит усиление традиционных моделей поведения, основанных на ценностях родового, земляческого коллективизма. Это включает добровольное и полное подчинение индивида обычаям, мнению и интересам коллектива; колоссальные траты на коллективные празднества; непререкаемый авторитет родителей и вообще "старших"; необходимость помогать многочисленным родственникам; отсутствие права на личное решение в выборе профессии, вуза, места работы, брачного партнера, места жительства, религии. Все это во многих случаях прямо или косвенно обуславливается семьей, родом, кланом. В обмен на невключенность в эту традиционную систему "социального страхования", за русскими в Средней Азии по умолчанию признается право на индивидуальный выбор во всем том, что для большинства автохтонных жителей, особенно сельских, не является делом личного решения.

Эта установка на индивидуализм, кстати, объясняет и утопичность всех диаспоральных проектов ("русских общин" и т. д.), многие из которых рассмотрены Н.П. Космарской и подвергнуты ею справедливой критике (с. 474–509). Причина теоретической неудачи выделения русских в "диаспоры" состоит не только в уже названной неоднородности изучаемого населения (русских, русскоязычных, европейцев, российско-ориентированных и пр.), но и в слабости внутреннего "притяжения" между атомизированными членами этого "сообщества". Собственно, подобная ситуация характерна для русских не только в Средней Азии; как пишет З. Левин, "для нынешней русской диаспоры в странах СНГ и Балтии характерны предельная разобщенность, неспособность к сплочению и лоббированию своих интересов..." (Левин 2001: 44). Просто в Средней Азии эта "разобщенность" (обратная сторона индивидуализма) особенно контрастирует с ориентацией на коллективную – родственную, земляческую, солидарность большинства представителей автохтонного населения региона.

Насколько способна измениться идентичность русских Средней Азии в дальнейшем? На наш взгляд, дополнительным консолидирующим фактором может выступить религия: христианство, прежде всего, православие, которое, будучи трансэтничным, тем не менее, не захватывает автохтонные ("исламские") народы. Этот немаловажный, на наш взгляд, "ментальный сдвиг" в сознании русских Средней Азии – усиление христианской (православной и др.) идентичности на фоне реисламизационных процессов в регионе, также требует серьезного изучения. Кроме того, многое будет зависеть и от российской политики в регионе, от того, насколько Россия сможет выступать в роли "донора" материальных и символических ресурсов идентичности для "среднеазиатских" русских. Для прояснения ситуации в этом вопросе также нужны дополнительные исследования. В любом случае, остается пожелать, чтобы работы, аналогичные монографии Н.П. Космарской, появлялись в российской науке как можно чаще.